

Центр "Петербургское Востоковедение"
St. Petersburg Centre for Oriental Studies

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

**ST. PETERSBURG JOURNAL
OF ORIENTAL STUDIES**

**выпуск 8
volume 8**

**Центр
«Петербургское Востоковедение»**

**Санкт-Петербург
1996**

Н. А. Невский

На стеклах вечности...

НИКОЛАЙ НЕВСКИЙ

**Переводы,
исследования,
материалы к биографии**

<i>kawalm</i> (Sa) (Ta) «меняться»	[(Isi) <i>kawaruŋ/ka:ruŋ</i> , (яп.) <i>kawaru</i> ← <i>*kamaru</i>]
<i>a:</i> (общ.) «просо»	[но в поэзии иногда <i>awa</i> ; (яп.) <i>awa</i> ← <i>~*apa</i>]
<i>na:</i> «веревка»	[(яп.) <i>nawa</i> ← <i>*nara</i>]
<i>ka:</i> «колодец»	[(яп.) <i>kawa</i> «река» ← <i>*kapa</i>]
<i>ko:</i> (Ps) / <i>kau</i> (Sa) «покупать»	[(яп.) <i>kau</i> ← <i>*kari</i>]
<i>uta:ŋ</i> ← <i>*utiwaŋ</i> Neg. от <i>uti:</i> «думать»	[(яп.) <i>otowaŋ</i> ← <i>*otorani</i> , (яп.) <i>otou</i> ← <i>~*otoru</i>]
<i>kaisim</i> (общ.) «возвращать»	[(S'uji) <i>ke:suŋ</i> , (яп.) <i>kaesu</i> ← <i>*kapesu</i>]
<i>k'u:</i> (общ.) «сегодня»	[(S'uji) <i>cu:</i> , (яп.) <i>k'o:</i> ← <i>*keu</i> ← <i>~*keŋi</i> ← <i>~*keru</i>]

От «Московии» к СССР (Октябрь и японский язык)

Россия была известна Японии еще в феодальный период японской истории под именем *Orosha*, которое мало-помалу вытеснило собой более древнее *Musukobiya*, известное через посредство голландского *Muscovia*.

Не имея постоянных сношений с Россией и русскими, японцы того времени не имели точного представления ни о размерах, ни о местонахождении государства. «В нашем государстве, — говорит *Kan-kai-ibun* (произведение начала XIX в.), — название *Orosha* существует с недавних периодов *An-ei* (1772—1780) и *Temmei* (1781—1788). Хотя и неизвестно, в каком направлении находится эта земля, но об ней часто приходится слышать из уст людей*. Это та самая земля, которая 100—150 лет тому назад называлась *Musukobiya*. В «*Gojiryaku*» почтенного *Хакусэки*** говорится, что «*Musukobiya* отстоит от Японии приблизительно на 14 200 с лишком *ри*. Страна эта славится кожей. Варварские (=голландские) корабли этот иноземный продукт привозят в нашу страну, и по месту его производства торговые люди называют и кожу. Посему в мире среди видов кожи (для выделки кошельков и кисетов), называемых *inden*, *kobito*, *orusha* и *атакава*, есть также и *musukobiya*. Следовательно, *musukobiya* также одно из названий кожаных товаров...»

Из этой цитаты видно, что, пока Япония не входила в непосредственные сношения с Россией, последняя была известна лишь фео-

восторгом отзывается об этой моей работе и предлагает перевести ее на японский язык» (письмо опубликовано в книге: Ларцев В. Евгений Дмитриевич Поливанов: Страницы жизни и деятельности. М., 1988. С. 285).

* В конце XVIII в. в Японию приезжало русское посольство Адама Лаксмана.

** Араи Хакусэки — известный японский *kangakusha* (1657—1725).

дальной торговой буржуазии и спецремесленникам своими кожаными товарами, доставлявшимися в Японию голландскими купцами, и помимо вышеприведенных слов *musukobiya* и *orosha* (сюда, может быть, нужно отнести и название вида кожи *orusha*), лексического материала, имеющего отношение к России, не было и не могло быть.

Случайные встречи отдельных японцев с русскими почти неизменно обогащали японскую географо-этнографическую литературу того времени сведениями о России и небольшим количеством русских слов, которые, конечно, никакого серьезного влияния тогда не имели.

На занятиях русским языком. В центре — Н. А. Невский. Япония. 20-е годы.

В первой половине XIX столетия мы находим уже несколько небольших сборников русских слов. Так, например, в 1813 г. один японский корабль, встретившись с сильным штормом близ берегов провинции Идзу, более чем два года носился по волнам Тихого океана, и из всего экипажа, погибшего от голода, спасся только один человек, некий Огури Сигэкичи. На севере, куда его занесло течением, он познакомился с русскими, от которых записал свыше 350 слов. Вернувшись к себе на родину в Нагоя, он этот список издал под названием «*Orossha-no kotoba*» («Русские слова»). Выход в свет такой книжки, безусловно, был обязан экспедиции Крузенштерна и Резанова (1803—1806), показавшей японцам, как трудно сноситься с иностранцами, не зная их языка. Вышеупомянутый список слов носит чисто

случайный характер, и некоторые слова показывают, что он действительно был собран на севере — Сахалине или Камчатке. Для характеристики этого сборника приведу некоторые слова: *yuruta* «лачуга» (— юрта), *mujiki* «крестьянин» (— мужик), *zena* или *kasaika* «жена», *sowoni* «сегодня», *horonna* «холодно», *bennyasuka* «бедняжка», *gen* «день», *gengi* «деньги», *kameshi* «бамбук» (— камыш). Некоторые слова восприняты неправильно; сюда можно отнести: *yasuna* «пасмурно», *bigu* «корова» (— бык), *arepa* «редька» (— репа), *arechica* «репа» (— редька), *sena* «трава» (— сено), *gina* «земля» (— глина), *mashika* «кошка» (от названия кошки «Машка») и другие.

Более интересно появление *orosha-kotoba* («русские слова») в качестве приложения к небольшому словарiku айнских слов «Эдзо-госэн», вышедшему в 1854 г. и являющемуся сокращением известного японско-айнского словаря «Мосиогуса». Это небрежно ксилографированное «приложение» с перепутанными буквами и неаккуратно поставленными знаками звонкости зачастую делает русское слово совершенно неузнаваемым. Так, например, наряду с *rubaha* «рубашка», *reba* «рыба», *ishiwohota* («ись охота») «голоден», *seneri* (— шинель) «дождевой плащ» и др. находим такие слова, как *majiki* вместо *yajiki* «язык», *buriyaraha* вместо *buriyauha* (читай: *buryōha*) «брюхо», *kofuni* вместо *yufuni* (читай *yūni*) «июнь», *herateri* вместо *heburari* «февраль» и т. п.

Издание подобных сборников русских слов, несомненно, было вызвано не простой экзотикой ко всему экстраординарному, а неоднократным появлением русских военных судов, так называемых *kurobune* («черных судов») у берегов Камчатки, Курильских островов, Эдзо и, наконец, Нагасаки, что, конечно, для феодального правительства Вакуфу, не имевшего настоящего военного флота, являлось прямой угрозой, могущей повести за собою непоправимые последствия.

В 1854 г., т. е. в тот год, когда был издан второй из вышеприведенных словников, в Нагасаки явился фрегат «Паллада», и адмиралу Путятину в январе 1855 г. удалось заключить торговый договор с Японией, подобный тем, какие уже были заключены этой страной с США и некоторыми европейскими государствами, благодаря чему начали понемногу раскрываться для Запада и его капитала закрытые двери «страны восходящего солнца».

После «реставрации» Мэйдзи (1867 г.), когда эти двери были раскрыты совсем и извне начал наступать западный капитал, а внутри создавалась новая промышленная буржуазия, последняя, выставив своим лозунгом европеизацию, бросилась в «борьбу за скорейшее перенесение и укрепление в Японии капиталистической системы Запада», другими словами, за капиталистическое строительство, которое одно только, как правильно было учтено тогда новым классом, «долж-

но было способствовать предотвращению опасности для Японии превратиться в полуколонию Запада»*.

Передовые кадры новой промышленной буржуазии, перестраивая науку и технику на новый лад, целиком отдались самовооружению в смысле усвоения социально-политического мировоззрения Запада и принялись за перевод иностранной литературы, которая, как показал проф. Конрад, сначала была «научно- и политикопросветительная», а в дальнейшем и художественная.

Таким образом, наряду с массой английской, немецкой и французской литературы стала переводиться и русская художественная литература, сначала через посредство английских и немецких переводов, а потом и непосредственно с русского языка. Русские понятия, по преимуществу имевшие отношение к предметам материальной культуры, не находившие точного эквивалента в японском языке, как и в большинстве западных, оставались в таких переводах не переведенными, а в оригинальной своей форме, японизированной, конечно, в духе фонетики языка. Таким образом в литературу, а за ней и в японский стандартный язык (*кокуго*), т. е. искусственно создавшийся язык промышленно-капиталистической буржуазии, проникли такие слова, как *barataika* «балалайка», *kopekku* «копейка», *rūburi* «рубль», *pēchika* «печка», *samowāru* «самовар», *toroika* «тройка», *uotsuka* или *uokka* «водка», *rubashika* или *rupashika* «рубашка», *zā*, *zāru* (с англ. *czar*) или *tsuā*, *tsuari* «царь», *interigencha* или *interigentsuia* «интеллигенция» (переводится *chishikikaikyū*), *kozakku* «козак», *suteppu* (переводится *heigen* или *sōgen*) «степь», *tsundora* (перев. *taigen*) «тундра», *urā* «ура!», *tosuka* (перев. *kunō* или *sekai-ku*; последнее слово, собственно, является переводом немецкого *Weltschmerz*) «тоска», *harachō* «хорошо» и другие.

Благодаря установившимся регулярным сношениям с Россией в вышеназванной переводной литературе слово *Orosha* умерло окончательно и заменилось словом *roshiya* или *roshia*, и в обиходный язык вошло даже слово *rosukī* или, чаще, с японизированным окончанием — *rosuke*, которое стало употребляться в презрительном смысле для обозначения русских.

Идеи русских романов в общем имели гораздо меньше влияния на умы японской промышленно-капиталистической буржуазии, чем английские, но все же идеи Тургенева, Достоевского и Толстого оказали несомненное влияние на часть этой буржуазии, на так называемых *roshiyabiiki* «русофилов» и *roshiūatsū* «знатоков России». В больших промышленных центрах образовались общества изучения Толстого и его идей, которые стали известны под именем *torusutoizumi*, т. е. «толстовства». Небольшие группы этих *roshiūatsū* время от времени объединялись в небольшие компании, носившие разные экзоти-

* Цитаты заимствованы из статьи Н. И. Конрада «Первый этап японской буржуазной литературы» (Проблемы литературы Востока в трудах Института востоковедения АН СССР. С. 10 — 11).

ческие имена вроде «*Samowaru-kai*» («Общество Самовар») и др. Буржуазная молодежь, одеваясь в бархатные и вельветовые *rupashika* и щеголяя в них по улицам Токио, воображали себя настоящими *roshiŷatsū*.

Но вследствие того что производителями всей массы переводной русской литературы, равно как и ее потребителями, была главным образом буржуазия, то как вышеприведенные русские слова, так и русские идеи были ограничены этим классом, точнее, небольшой сравнительно группой внутри этого класса и не проникали в громадные массы японского пролетариата. Если и наблюдалось случайное влияние русского языка на язык пролетариата, то это, конечно, только на рыбных промыслах Камчатки и на Сахалине, но такое влияние можно назвать лишь местным, налетным, на то лишь время, пока пришлое рабочее население северной Японии жило в этих местах на отхожих промыслах и пока имело там столкновение с русскими.

Но вот пришла Октябрьская революция, *jūgatsu-kakumei*^{*}, или просто *okuchāburi*, Октябрь, освободившая пролетариат Советского Союза и открывшая широкие исторические перспективы перед пролетариатом всего мира. Пролетарии Японии начали прислушиваться и присматриваться к русским событиям и на них яснее ясного поняли разницу между *yūsan-kaikyū* или *burujua* (буржуазия) и *musan-kaikyū* или *puroretariāto* (или *puroretaria*), или, короче, между *buru* и *puro*. Подобно тому как передовые кадры промышленной буржуазии эпохи Мэйдзи всецело отдались самовооружению, усваивая социально-политическое мировоззрение буржуазного Запада, точно так же передовые кадры японского пролетариата после Октября принялись за идеологическое перевооружение и самовоспитание, переводя на японский язык и изучая творения основоположников марксизма (*marukusushugi* или *marukishizumu*) и ленинизма (*rēnin-shugi* или *reninizumu*), т. е. труды *Marukusu*, *Engerusu*, *Rēnin'a*. Другими словами, пролетарии, а за ними и передовая интеллигентская молодежь принялась за изучение *kagakuteki-shakaishugi* «научного социализма»; занимающиеся им получили название *marukisuto*, или *marukishisuto*, *marukushisuto*, т. е. марксистов. Увлечение идеями Маркса, Энгельса и Ленина, охватившее большую часть учащихся в высших и специальных школах, неизбежно должно было вызвать появление, главным образом среди буржуазной молодежи, таких молодых людей, которые, познакомившись поверхностно с 2—3 брошюрами Маркса или Ленина, стали воображать себя настоящими марксистами. Такие марксистствующие барчуки получили кличку *marukusu-boi* (*Marx-boy*) или сокр. *tabo* («марксята»), а подобные же представительницы прекрас-

* Иначе и даже чаще, пожалуй, называется *jūichigatsu-kakumei* «ноябрьской революцией», так как октябрь старого русского стиля соответствовал ноябрю нового, еще со времени Мэйдзи принятого в Японии; равным образом Февральская революция обычно называется *sangatsu-kakumei* «мартовской революцией».

ного пола стали называться «энгельсовыми девочками» *engerusu-gāru* (*Engels-girl*) или сокр. *ega* (впрочем, иногда можно встретить и слово *marukusugaru* — *Marx-girl*).

Благодаря переводу «Капитала» (*Shihon-ron*) и других работ по марксизму-ленинизму в японский язык вошла масса новых экономических и социальных терминов или в переводе на японский язык, или в оригинальной форме, приносившей к фонетике языка, или, наконец, и в той и в другой параллельно.

Сюда должно отнести такие понятия, как *shihonshugi* или *kyapitarizumu* «капитализм», *teikokushugi* или *imperiarizumu* («империализм»), *kin-yūshihonshugi* «финансовый капитализм», *shihonshugiteki-teikokushugi* «капиталистический империализм», *tsūka-bōchō* или *infurēshon* «инфляция», *tsūka-shūshuka* или *defurēshon* «дефляция», *jōyo-kachi* «прибавочная стоимость», *shihonshugiteki daisanki* «третий период капитализма», *teikoshugisensō* «империалистическая война», *dokusen* «монополия», *kyōkō* букв.: «паника», употреблявшееся в значении мирового экономического кризиса, *rōdōkumiai* «профсоюз», *shakaiminshushugi* «социал-демократия» (как учение), *shakaiminshutō* «социал-демократическая партия», *shakai-fuashisutō* «социал-фашисты», *kyōsan-shugi* или *komyunizumu* «коммунизм», *kyōsantō* «компартия», *kyōsantō-sengen* «Коммунистический манифест» и идущий из него лозунг пролетариата *bankokuno musausha danketsu seyō* «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», *musankaikyū-sensei* или *musankaikyū-dokusai* «диктатура пролетариата», *kaikyū-tōsō* «борьба классов», *minshushugi-kakumei* «демократическая революция», *puroretaria-kakumei* «пролетарская революция», *kakumeiteki-rōdōsha* «революционные рабочие», *kokusai-shakaishugi-danti* или *intānashonaru* «интернационал» (имеется в виду II Интернационал) и понятия о *daiichi*-, *daini*- и *daisan-intānashonāru*, т. е. о первом, втором и третьем Интернационале, и так называемом *mosukō-intānashonaru* «Московском Интернационале» (иначе, *sekishokurōdōkumiai-intānashonaru*), известном более под русским наименованием *purofuinterun* «Профинтерн», *kokusai-kyōsantō*, или *kominterun* «Коминтерн» и др.

Вся эта терминология наводнила ежедневную, еженедельную и ежемесячную прессу, благодаря чему быстро была усвоена японским пролетариатом и передовыми кадрами интеллигентской молодежи. И те и другие начали знакомиться с материалистической диалектикой *benshōhō* и изучать *yuibutsubenshōhō* «диамат» (иначе, *benshōhōteki-yuibutsuron*).

В японской литературе появились термины: *kaikyū-ishiki* «классовое сознание», *shinkyōkaikyū* «восходящий класс», в то время как капиталисты (*shihonka*) и помещики (*jinushi*) стали открыто наделяться кличкой *kiseikaikyū*, т. е. «класс паразитов».

Революционная практика заставила создавать, усваивать и применять на деле как методы революционной борьбы такие понятия, как *jiiundō* или *demonsutorēshon* «демонстрация», которая короче на-

зывается просто *demo* (от этого, последнего слова должно отличать *dema*, являющееся сокращением слова *demagōgu* «демагог»), *puro-panda* «пропаганда» или сокращенно — *puro*, сочетание последних сокращенных слов в *purodemo* «пролетарская демонстрация», *ajipuro* «агитпроп» (с англ. *agitation* + *propaganda*), *kampaniya* «кампания» или сокр. *kampa*, *purokaru(to)* (с англ. *proletarian culture*) или *mu-sansha-kyōiku* «пролетарское воспитание», *sōdōmeihigyō* или *genera-ru-sutoraiki* (с англ. *general strike*) «всеобщая забастовка» (данное понятие чаще всего употребляется в сокращенной форме *zenesuto*), *sō-gidan* «стачечный комитет», *idōhombu* «передвижной ц.-к.», руководящий редвижением и вынужденный постоянно менять свое местопребывание, чтобы скрываться от японской полиции, *surogan* (с англ. *slogan*) «лозунг», *darakan* (сокращение из *daraku-kambu*) «разложившаяся верхушка», *arukan* (сокращение из *arukōru-kambu*, где *arukōru* «алкоголь») «пьяная верхушка» и пр. (в применении к «желтым» профбюрократам).

Понятия «левый» и «правый», «красный» и «белый» стали употребляться в японском языке с теми специфическими оттенками классовой борьбы, которые они уже давно имеют место на Западе, но которые были чужды японскому языку. Таким образом появились слова вроде *sayoku-undō* «левое (т. е. революционное) движение», *sayoku-shōnibyō* «детская болезнь левизны» — термин, заимствованный из произведения В. И. Ленина того же названия, переведенного на японский язык. Этот термин, быстро привившийся среди японского пролетариата и получивший весьма широкое распространение, часто сокращается в *shōnibyō* «детская болезнь», и выражение *shōnibyōte* стало употребляться как ругательное слово для обозначения крайних левых загибщиков. Сюда же должно отнести понятия *ikei* «правого уклона», *sakei* «левого уклона» и *kyokusayoku* или, короче, *kyokusa*, «крайней левизны» в смысле «левого загиба».

К человеку и его идеям стали применять слова *akai* «красный» и *shiroi* «белый» (Советский Союз начал иногда называться *akai-kuni* «красной страной») и к массе понятий прилагать в качестве эпитетов слова *sekishoku* «красный цвет» и *hakushoku* «белый цвет» (например, *hakushokutero* «белый террор»). Наряду со словами *sekiei-gun* или *sekigun*, являющимися переводом русского «Красная армия», вошел в обиход и термин *hakueigun*, или *hakugun*, «белогвардейцы», употребляющийся в смысле контрреволюционеров вообще (между прочим, «русские белые» иногда так буквально и переводятся *roshiyo shiro*). Врожденный японский юмор и любовь к конкретным сравнениям применил слово *akadaikon* (буквально: «красная редька» — один из видов редьки с красным внешним покровом, редиска) к лицам, внешне окрашенным в красный цвет, по существу же остающимся белыми. Появился также новый термин *sekka* (буквально: «окраснение») в значении «большевизация» и от него глагол *sekka-suru* «большевизировать».

Сокращенные слова *buru* и *puro*, которые мы видели выше, тоже породили новые глаголы *burugaru* «корчить из себя буржуя» и *puroburu* «подделываться под пролетария».

Зорко следя за всеми событиями в СССР, японская пресса быстро перевела на японский язык новые советские термины, многие из которых поступали и продолжают поступать в оригинальной, японизированной в духе языка форме, и последняя зачастую даже доминирует над японским переводом и в таком виде усваивается японским пролетариатом.

Таким образом в современный японский язык вошли слова нашего государственного механизма, вроде *shikkōiinkai* «исполком», *chūōshikkōiinkai* или *tsūiku* «Центральный Исполнительный Комитет (ЦИК)», *jimminiinkai* или *narukomu* «нарком(ат)», *jimmin-iin* или *komissāru* «комиссар», *rōnōseifu* «рабоче-крестьянское правительство» (также *rōheikai* «Совет рабочих и солдат»), которое стало называться также *savēto*, *soueto*, *sovietto*, т. е. «советами». Последнее слово (в различных фонетических передачах) сделалось почти постоянным эпитетом ко всему «советскому», официальным переводом слова СССР стало *skakaishugi-sovietto-kyōwakoku-rempō*. Понятие *kagekiha*, которое можно перевести словом «максималисты» и которое в Японии первое время после Октября употреблялось (и отчасти еще продолжает употребляться) для обозначения большевиков, в последние годы почти окончательно вытеснено словами *borushievikku* «большевик» и *borushieviki* (также *borushibiki*), сокращаемыми иногда в *boru*; последним противопоставляются *menshieviku* «меньшевизм» и *torotsukizumu*, или *torokkizumu* «троцкизм». Любопытно здесь отметить, что приложение окончания *-изм* к собственным именам тоже нашло отклик в современном японском языке, где так были образованы слова *fukumotoizumu* «фукумотоизм» и *yatakaawaizumu* «ямакаваизм» для обозначения левого и правого уклонов в японской компартии (от собственных имен Фукумото и Ямакава)*.

Слово *interigencha*, или *interigentsuia*, заимствованное, как мы видели выше, еще в период Мэйдзи, утратило после Октября свой ореол, обязанный русской буржуазной литературе, и в сокращенной форме *interi* стало употребляться скорее в значении интеллигентщины, чем строго — «интеллигенция». Такой оттенок данное слово носит, например, в таких сочетаниях, как *interigurūpu* «интеллигентская группа», *interide* «выходец из интеллигентов» и *rumpen-interi*; последнее слово создано по ассоциации с *rumpenpuroretaria* (с нем. *Lumpen-Proletariat*).

Из русских слов, вошедших в японский язык за последние годы, должно еще назвать: *purofu-sayūzu* «профсоюз», *tsuentoro soyūzu* «Центросоюз», *pirompuran* «промплан», *piromibyurō* «промбюро»,

* От русских собственных имен подобное образование помимо уже упомянутого «толстовства» находим в слове *korontaizumu* «коллонтаизм», или *korontaishugi*, под которым понимаются взгляды тов. Коллонтай на брак.

gosupuran (переводится — *sovetto-kokka-keizai-keikaku-iinkai*) «госплан», *gosubanku* «госбанк», *gosukino* «госкино», *orugubuyuro* «оргбюро», *piyachiretoka* или *gokanenkeikaku* «пятилетка», *piyachizunefuka* (или *issū-itsuka-sei*) «пятидневка» (сравни также *renzoku-shūkan-sei* «непрерывка»), *komusomōru* или *kyōsanseinendomeq* (сокр. *kyōsei*) «комсомол», *komusomōruka* «комсомолка», *pionēru* или *pionīru* (переводится *sekishoku-shōnendan* или *kyōsan-shōnen-dōmei*) «пионер» (отличать от *paionia* с англ. *pioneer* в обычном общеевропейском значении), *koruhōzu* или *koruhōsu* (перев. *kyōdōnōjo*, *kokueinōjo*, *kyidōkeiei*) «колхоз», *sofuhōzu* (перев. *kokkakeiei*) «совхоз», *torakutā* (перев. *ken-inki* или *ken-insha*) «трактор», *yachieka* (также *yachieika*) или *saihō* «ячейка»*, *narōdo* «народ» и *narodoniki* «народники», *isukura* «Искра», *purauda* «Правда» и др.

Кроме уже упомянутых советских сокращенных терминов в современном японском языке мы находим еще *neppi* или *shinkei-zaiseisaku* «НЭП», *nepputan* «нэпман», *esueru* «с.-р.», *chieka* «ч.-к.», *gēpēu* «ГПУ», *uokusu* «ВОКС», *erukāpē* «РКП», *kūtobe* «КУТВ», (перев. *tōyō-rōdōshakyosan-daigaku*), *toppuru* или (*kokusai-*) *sekishoku-kyūenkai* «МОПР», *warpu* «ВОАПП», *mappu* «МАПП», *rappu* «РАПП» и др. По ассоциации с последними объединениями советских писателей группа японских пролетписателей (*purosakka*) тоже объединилась в *rappu* и стала издавать журнал данного наименования. Название это в латинице пишется NARF и восходит к эсперанто *Nippona Artisto Proleta Federacio*. Данная ассоциация просуществовала до ноября 1931 г., когда все японские пролетписатели объединились в *koppu* — KOPF (Federation of Proletarian Cultural Organizations in Japan)**.

В короткой статье абсолютно невозможно перечислить все новообразования и заимствования в японском языке, обязанные Октябрьской революции, тем более что постоянные переводы марксистско-ленинской литературы, с одной стороны, и художественной пролетлитературы — с другой, а также оригинальная продукция массы новых японских пролетписателей с каждым днем обогащают язык новыми словообразованиями и заимствованиями. Конечно, неизбежно, что некоторая часть всей массы новых слов и словообразований, выступивших на арену японского языкового мышления, не привьется и сойдет со сцены, но, в общем, можно сказать, что почти ни одно из этих слов не носит того специфического оттенка, который так характерен для русских заимствований эпохи Мэйдзи и который может быть назван экзотикой.

Ведь в период Мэйдзи, как мною уже было сказано выше, производство и потребление новых слов обязано было исключительно про-

* Любопытно, что для перевода русского слова «ячейка» японцы воспользовались тоже биологическим термином *saihō* (или *saibō*).

** В 1933 (?) г. данное объединение подверглось репрессиям со стороны правительства и было ликвидировано.

мышленной буржуазии, для которой при капиталистическом строительстве были наиболее актуальны наука и техника, а вместе с ними и вся терминология передовых государств Запада; а так как Россия в то время не могла похвастать, что стоит в этом отношении на одном уровне с западными странами, то увлечение ее идеями со стороны некоторой части японской буржуазии (особенно в эпоху Тайсё) может рассматриваться именно как экзотика, как некоторое отвлечение от западного шаблона.

После Октября положение изменилось. В новых заимствованиях, вошедших или в оригинальной русской форме непосредственно из русского языка, или через посредство английских и немецких книг, или в виде слов — переводов на японский язык, уже нет никакой экзотики, отдаленной от жизни, наоборот, усвоенные термины оказываются близкими пролетариату и тотчас же применяются к жизни. Например, слово *kabeshimbun*, являющееся буквальным переводом русского «стенгазета», не осталось забытым на страницах журналов и пролетлитературы (*purobungaku*), а вызвало появление реальных *kabeshimbun* в некоторых пролетарских ассоциациях и на заводах как одного из средств воспитания пролетариата в духе революционной борьбы. По ассоциации с этим словом родилось слово *kabeshosetsu* «стенроман», которое тоже воплотилось в действительности. Слово «синяя блуза» было переведено буквально *aofuku* и стало употребляться в значении «рабочий», и по образцу Советского Союза в некоторых городах (например в Киото, Мацумото и др.) появились театры *aofukuza*, работающие с агитационными целями среди рабочих и крестьян. Японский пролетариат заговорил о *puroretaria kagaku* (сокр. *purokagaku*) «пролетарской науке», *puro-geijutsu* «пролетарском искусстве» и пр.; деятели пролетарского кино объединились в союз, названный *purokino*; появилась пролетгазета *Musansha Shimbun* (сокр. *mushin*). Пролетарии Японии не только заговорили о новых профсоюзах, но и сами стали объединяться в такие союзы. Таким образом появились *Zen-Nihon-musan-seinen-dōmei* «Всеяпонский союз пролетарской молодежи», *zenkoku-rōdō-kumiai-dōmei* «Общегосударственный союз рабочих профсоюзов», *Nihon-nōmin-kumiai* «Японский крестьянский союз» и пр. Пролетарии больших промышленных центров стали ежегодно выступать с демонстрациями в день 1 мая, называемый по-японски *mēdē* (с англ. *May-day*) или, иначе, *rōdōsai* «рабочий праздник» или *rōdōdē* «день рабочих» и праздновать подобным же образом *kokusai-fujindē* «Международный женский день», *kokusaiseinendē* «МЮД» и прочие пролетарские праздники.

Русское слово *tawārishichi* «товарищ» и его перевод стали фигурировать во всех печатных обращениях и воззваниях к пролетариям, вытесняя исконное *kun* (или *shokun* при обращении к массе). Слова *tawārishichi* и *dōshi* стали проникать и в устную речь японского пролетариата и употребляться иногда даже в порядке русского

синтаксиса, т. е. перед фамилией, а не после нее, как того требует японский язык.

Вся вышеприведенная новая терминология, вызванная из небытия к бытию исключительно благодаря Октябрьской революции, живет на страницах японской пролетлитературы, переходит в уста японского пролетариата и претворяется в живую действительность. Представители «реформизма» (*kairyōshugi*) и так называемые *shimpasaiza* (с англ. *sympathizer*) или сокращенно *shimpa* «сочувствующие», т. е. левый фронт японской буржуазии, на страницах реформистских журналов тоже уже говорят новым языком, чтобы быть понятными поднимающемуся пролетариату*.

Советская Россия во всех этих журналах и пролетлитературе обычно называется *soueto-roshiya* или *sovetto-rempō* (сокр. *sorempō*), т. е. «Советский Союз»; о феодальном названии *orōsha* нигде нет и помину, а о *musukobiya* никто даже и не знает.

Представление о радуге как о небесной змее¹

Для обозначения радуги в японском койне² употребляется слово *ni z'i* ← *ni zi*, которое мы встречаем уже в древнейших японских словарях вроде *Wamyō Ruijushō* (X в.), *Shinsen Jikyō* (XII в.), *Iroha Jiruishō* (XII в.) и др.

Этимология данного слова продолжает оставаться темной несмотря на то, что ученые эпохи Токугава всячески пытались его этимологизировать. Так, например, Танигава Котосуга предлагает этимологию *ni* «красный» + *z'i* — сокращение из *su z'i* «полоса»**.

Другие ученые объясняли радугу как нечто «красно-белое», толкуя *ni* как «красный цвет», а *z'i* как сокращение *siro* «белый цвет»***.

Нечего и говорить, что подобные этимологии не выдерживают никакой критики; помимо того что ни *su z'i*, ни *siro* — *z'iro* никогда не сокращаются в *z'i*, эти этимологии противоречат самому явлению, доступному наблюдению каждого.

* Отмечу здесь еще слово *hiyorimishugi* «оппортунизм», образованное из слова *hiyori-mi* «высматривание хорошей погоды» и слова *shugi* «принцип», употребляющегося для перевода европейского окончания -изм.

¹ Печатается по изданию: С. Ф. Ольденбургу. К 50-летию научно-общественной деятельности. Л., 1934. Данной статьей, видимо, навеяно название известной японской книги о Невском: Като: Кюдзо: Тэн-но хэби (Небесная змея). Токио, 1976.

² Имеется в виду современный литературный язык.

** См. словарь *Wakun-no Shiori* под словом *ni zi*.

*** См.: «Kokkeizōdan». Кн. 5, ссылка на «Wakun Gikai». Т. I. Токио, 1917. С. 231.